

Чербаева Ольга Владимировна

СИБИРЬ "СВОЯ" И "ЧУЖАЯ" В АКЦИОЛОГИИ А. В. ВАМПИЛОВА

В статье рассматриваются два типа героев из художественного мира А. Вампилова: герои, для которых Сибирь является "чужой", то есть приехавшие в Сибирь, временно пребывающие в Сибири, и герои, для которых Сибирь "своя" - коренные сибиряки. Через авторские характеристики выявляется отношение писателя к образу Сибири, определяется специфика этого взгляда как взгляда на Сибирь "изнутри". Писатель воссоздает образ Сибири, увиденный глазами приезжих персонажей как нечто неприглядное, обыденное.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 207-211. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются два типа героев из художественного мира А. Вампилова: герои, для которых Сибирь является «чужой», то есть приехавшие в Сибирь, временно пребывающие в Сибири, и герои, для которых Сибирь «своя» – коренные сибиряки. Через авторские характеристики выявляется отношение писателя к образу Сибири, определяется специфика этого взгляда как взгляда на Сибирь «изнутри». Писатель воссоздает образ Сибири, увиденный глазами приезжих персонажей как нечто неприглядное, обыденное.

Ключевые слова и фразы: образ «своей» Сибири; образ «чужой» Сибири; тип героя приезжего; мотив притяжения; мотив отторжения.

Чербаева Ольга Владимировна

*Мичуринский государственный аграрный университет
olgacherbaeva@rambler.ru*

СИБИРЬ «СВОЯ» И «ЧУЖАЯ» В АКЦИОЛОГИИ А. В. ВАМПИЛОВА[©]

Бинарная оппозиция «свое – чужое» восходит к архетипическому пласту культуры, представляя собой древнейшую форму осознания мира человеком. «Образ "чужого" изучается в имагологии как стереотип национального сознания, т.е. как устойчивое, эмоционально насыщенное, обобщенно-образное представление о "чужом", сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде. Из этого следует, что имагология не только раскрывает образ чужого, но также, в связи с процессами рецепции и оценки, характеризует и сам воспринимающий субъект, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей» [8, с. 31]. В отечественном литературоведении значительный вклад в изучение различных проблем имагологии внесен В. Б. Земсковым, В. А. Хоревым, Г. Д. Гачевым, Н. П. Михальской [9].

В творчестве А. В. Вампилова, писателя-сибиряка, закономерно возникает оппозиция «свое – чужое», реализующаяся в образах коренных сибиряков и образах «покорителей» Сибири, приехавших в Сибирь из европейской России. В статье мы проанализируем эти два типа персонажей художественного мира Вампилова. Через репрезентацию в творчестве Вампилова отношения к Сибири героев-сибиряков и героев-приезжих попытаемся выявить собственно авторский взгляд на Сибирь.

Хотя Сибирь является частью России, в творчестве писателей-сибиряков, таких как В. П. Астафьев, В. Г. Распутин, А. В. Вампилов, появляется образ «своей» Сибири. Он противопоставлен остальному географическому пространству, воспринимаемому если не в качестве чужой, то, по крайней мере, не вполне «своей» страны. Характерно, что этих писателей объединяет слияние образа «своей» Сибири с Сибирью провинциальной, сибирской глубинкой. Сибирские «города юности» [4, с. 181] не ассоциируются с данным образом. Преобразованная, новая Сибирь уже приравнивается к концепту «чужое». Так, семантикой чуждости Вампилов в «Записных книжках» наделяет «преобразованный» Иркутск: «Иркутск. Город, который стал чужим. Умиления возвращения не получилось» [3, с. 673]. Таким образом, оппозиция «свое – чужое» наделяется ещё более узким смыслом: «своя» Сибирь традиционная, «чужая» – преобразованная.

Помимо героев-приезжих из ранней публицистики Вампилова, мужественных, стойких, целеустремленных «колумбов» Сибири, а также персонажей, осваивающих Сибирь наравне с коренными жителями и обретающих в ней дом, в прозе Вампилова появляются герои-приезжие, «чужие» для Сибири. Чуждые Сибири персонажи актуализируются в образах «перекати-поле». Им сопутствуют мотивы бездомности и пути. Впервые такой персонаж появился в рассказе «Конец романа» (1960). «Перекати-поле» Николай – это трагический тип несостоявшегося романтика. Не случайно эта фигура связывается Вампиловым с помощью иронии с образом романтического поэта Джорджа Байрона: «Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай, как сказал один хромой старик. Он писал упаднические стихи, много ездил, но нигде не прописывался» [4, с. 44]. Именно в этом рассказе Вампилов впервые отказывается от романтического образа Сибири, актуального в советской культуре 60-х годов. Само название – «Конец романа» – можно отнести не только к сюжету рассказа о расставании двух молодых людей, но в большей степени можно расценить его как первый шаг писателя к отрицанию романтики и героики сибирских строк: «Магнитная гора меня больше не притягивает. Счастливо вам оставаться, фанатики, романтики! Мошку, грязь и морозы оставляю в ваше распоряжение. С собой я увожу только нежную память о них» [Там же, с. 43]. Е. М. Гушанская увидела в этом рассказе «беспощадную» критику Вампилова на дезертирство из Сибири в поисках более комфортных условий проживания: «Одно дело, когда охота к перемене мест продиктована желанием "заботиться о себе, окружать себя вниманием, удобствами" ("Конец романа"), – здесь Вампилов беспощаден» [7, с. 58]. Однако такое толкование представляется нам не вполне доказанным. Вампилов скорее показал в этом рассказе разочарование «бездомного» героя, героя-странника, ищущего, но никогда не находящего свой «дом», то есть не умеющего обрести внутренней гармонии. Его слова о том, что он любит себя и желает «заботиться о себе, окружать себя вниманием, удобствами» [4, с. 43], – не что иное, как поза, маска. «Такая поза существует специально для выражения усталости, небрежности и равнодушия» [Там же], – такими словами заключает Вампилов описание своего героя. Данный тип «бездомного» героя широко представлен в художественном мире Вампилова, как в прозе, так и в драматургии.

В очерке «Голубые тени облаков» (1963) также появляется герой «перекасти-поле» Вася Сизых: «За свои двадцать лет он объездил чуть ли не весь Красноярский край, бывал и в других местах, по леспромхозам, у геологов, у плотников – нигде ему не нравилось, нигде не сиделось» [Там же, с. 160]. Характерно, что в описании этого героя у Вампилова не встречается негативных, осуждающих интонаций, скорее по отношению к нему автор использует грустную иронию. Вася, собираясь на новое место, говорит «полувосторженно», «мечтательно», «с воодушевлением» [Там же]. Это тип романтика-авантюриста, в погоне за призрачной птицей счастья приехавшего в Сибирь, увиденный глазами сибиряка. Вампилов называет своего героя шутливо «дезертиром»: «На сундуке храпел Вася, кудрявый дезертир» [Там же, с. 161]. Автор являет интонацию добродушную, с оттенком юмора и в описание героя вводит некую сказочность: «вошел в избу, высокий, с огромным кудрявым чубом», «закручинился», «заговорил покаянно» [Там же, с. 160].

Понятие «дезертиры» Сибири Вампилов ввел в написанном на год ранее очерке «На пути к Чунскому сокровищу» (1962). В главе «Интервью с беглецами» массово покидающих строительство Чунского ЛДК людей он сатирически называет «дезертирами»: «Что это? Мутный поток дезертирства?» [Там же, с. 138]. Но сатира, безусловно, направлена не на самих «дезертиров», «сердитых людей с чемоданами» [Там же], а на субъективные причины, повлекшие за собой это самое «дезертирство». Следовательно, в обоих очерках слово «дезертир» несет в себе смысл шуточный, несерьезный.

Герой-странник, человек неприкаянный выведен Вампиловым и в очерке «Белые города»: «Эрик рассказывает о себе, о своих причудливо длинных дорогах. Прежде чем попасть на Усть-Илим, он побывал на Алтае, в Белоруссии, на Лене, на Байкале – где он только не был» [Там же, с. 175].

Вася Сизых «погнался за длинным рублем» [Там же, с. 160], Николай приехал в Сибирь «заработать, ну и... из любопытства» [Там же, с. 43], Эрик Данило «смотрел, как люди живут» [Там же, с. 175]. Данный тип героя – это так называемый тип «сезонников», временных переселенцев. «Для сезонников Сибирь была не —воим” или —ужим”, а временным местом пребывания, и мотивами были заработок или романтика» [10, с. 293]. Так Т. Л. Рыбальченко характеризует «сезонников». Однако с позиции Вампилова, коренного сибиряка, это, прежде всего, персонажи, для которых Сибирь чужая. Об этом свидетельствует сопутствующий им мотив пути, противопоставленный у Вампилова мотиву обретения дома.

Чужой является Сибирь и для героев рассказа «В сугробах» (сер. 1960-х) В этом рассказе также показаны герои, приехавшие в сибирский поселок. «Сугробы и лес бесконечны, а село маленькое, хотя и районный центр. До железной дороги шестьдесят километров, до большого города – двести» [3, с. 615]. Здесь разворачивается история учителя Макарова, адвоката Лесковского, влюбленных в Зинаиду Александровну Тенину. Все трое приехали сюда, работают здесь и живут. Но не счастливы. Макаров, постоянно говорящий Лесковскому и Тениной о том, что здесь его место, убеждает в этом скорее самого себя: «Я счастлив, как умею. У меня есть дело, которое я люблю, силы – заниматься этим делом, – с меня хватит» [Там же, с. 617]. Приехавшая в село Тенина будит в Макарове все то, что он так тщательно в себе усыплял: «Я вижу вас, и мне хочется делать что-нибудь талантливое, необыкновенное... Понимаете, вы взбудоражили мое тщеславие, вы напомнили мне о мечтах и надеждах, которые не сбылись уже так давно...» [Там же, с. 620]. Тип «спящего» героя станет впоследствии характерным для Вампилова, он актуализируется в городских персонажах, приезжающих в сибирскую глубинку. Вероятно, ехал в глухое сибирское село Макаров именно для того, чтоб «делать что-нибудь талантливое, необыкновенное». Но иллюзии быстро рассеялись, и оказалось, что «здесь... все так обыкновенно, и место здесь людям обыкновенным». Следовательно, Макаров продолжает череду образов разочаровавшихся романтиков, приезжих «покорителей Сибири», среди которых Вася Сизых, Эрик Данило, Николай. И именно потому, что «здесь все обыкновенно», он советует уезжать отсюда Тениной: «Уезжайте! Зачем здесь эта красота, это обаяние? Кому? Вам нужны залы, люстры, вам нужно быть на виду» [Там же]. Все это рассуждения человека городского, чуждого сибирской глубинке. Если Макаров пытается убедить самого себя, что здесь его место, то Лесковский скучает, пьет и порывается уехать, ведь здесь нет «кафе, оперетки, ресторана», «удачи не приводят людей в такие дебри» [Там же, с. 616]. Тенина же живет завтрашним днем: «Но вы знаете это чувство – постоянно что-нибудь ждать? <...> Счастье – в предчувствии счастья» [Там же, с. 619]. Своим восторженным романтизмом она сродни героине рассказа «Конец романа», пожертвовавшей своим счастьем сегодня для иллюзии счастья в будущем: «В открытых глазах слезы, и сквозь их пелену растут и заполняют весь взгляд сплошным неясным заревом огни будущего города» [4, с. 44].

Интересен тот факт, что в произведениях Вампилова для приезжих, «чужих» для Сибири персонажей, Сибирь представляется как нечто неприглядное: «мошка, грязь, морозы» [Там же, с. 43]; «...зачем здесь эта красота, это обаяние? Кому?» [3, с. 620]; «здесь все обыкновенно» [Там же]; «денег здесь приличных нет» [4, с. 43]; «Ну его к черту, Кеуль этот!» [Там же, с. 160] и т.п. У самого автора по отношению к Сибири, почти не тронутой цивилизацией, доминирует восторженно-романтическое отношение. Оно выражено в описаниях красоты сибирской природы, глубоко природной жизни коренных сибиряков. «Голубые тени облаков», «Солнце в аистовом гнезде» – сами названия рассказов и очерков о Сибири глубоко лиричны, позитивно оценочны. Отношение Вампилова к сибирской глубинке выражено и в «Записных книжках»: «Ночная деревня. Без огней, в снегу, при луне – зимняя сказка» [Там же, с. 41].

Несостоявшийся романтик, приехавший в Сибирь на время, несомненно, является «чужим» для Сибири, так же как и Сибирь для такого героя оказывается чужой, непонятной и даже враждебной стихией. Поэтому Вампилов абсолютно не осуждает «дезертирство» таких персонажей из Сибири. Напротив, как уже было сказано, слово «дезертиры» применительно к ним выражает лишь иронию писателя.

В очерке «Как там наши акации» (1965), посвященном родному Кутулику, одноклассникам, односельчанам, Вампилов вновь употребляет слово «дезертиры», однако здесь он относит это определение уже не к «чужим» для Сибири, заезжим героям, а к жителям Кутулика, в том числе и к самому себе: «Мы погуляли по улице, потом разошлись, а через месяц-другой разъехались, и многие из нас никогда уже не возвращались в село под названием Кутулик. Мы не сбежали, не дезертировали. Просто все десять лет, пока мы учились в школе, мы собирались уехать из нашего поселка» [Там же, с. 179]. Автор словно пытается оправдать своих односельчан, живущих «в Новосибирске, в Москве, в Бодайбо», в «городах юности», которые «выросли» «не так уж далеко от Кутулика» [Там же], и себя в том числе перед родным поселком: «И на секунду у нас появится, может быть, настроение, похожее на чувство вины. А в чем мы виноваты?» [Там же, с. 181]. Пытается оправдать и сам поселок, из которого «дезертируют» его жители: «Тут, в районе, молодые, умелые и современные, в лучшем понимании этого слова, молодые люди нужны так же, как нужны они в городах юности. Район не производит угля, электричества, но он производит хлеб, и хлеба этого ради существует поселок Кутулик» [Там же, с. 183]. Очерк пронизан ностальгической грустью, основной темой очерка является тема Родины, дома, связанная с мотивом памяти. Именно в этом очерке впервые со всей полнотой реализуется у Вампилова образ «своей» Сибири: «не чужие все-таки» [Там же, с. 181]. Поэтому, хотя в тексте отрицается «дезертирство» жителей поселка, на уровне подтекста данное слово сохраняет свою «обвинительную» коннотацию.

Образ «своей» Сибири реализован и в очерке «Прогулки по Кутулику» (1968): «Райцентр, похожий на все райцентры России, но на всю Россию все-таки один-единственный» [Там же, с. 184]. В данном очерке Вампилов противопоставил Кутулик своего детства, Сибирь прошлую, «свою» Сибирь Сибири нынешней, претерпевшей преобразования. Так, например, вслед за воспоминаниями из детства о футбольных «сражениях» на «горбатом пустыре с одними лишь футбольными воротами» [Там же, с. 189] он переходит к сегодняшней футбольной команде Кутулика, которая долго отказывалась играть из-за того, что, в отличие от приезжих команд, не получила «деньги на пропитание». От описания «своего бывшего дома», старой лиственницы под окном Вампилов переходит к современному поселку: его асфальту, заменившему деревянные тротуары, его скверам с тополями, занявшим место «палисадников с черемухой, рябиной, кустами малины» [Там же, с. 188]. А вместе с тем и к его «парням», разодевшим по последней моде: «испанские штаны небольшими группами шествовали по направлению к стадиону» [Там же, с. 189], к руководителю Дома культуры, требующему квартиру, потому что без квартиры «несолидно». И вместе с ностальгией о той, «своей», утраченной Сибири детства приходит к разочарованию в нынешнем облике Кутулика. Если в ранних очерках Вампилов искренне верит в животворность преобразований в Сибири, то здесь он с горечью осознает: «когда крыши наши становятся поновей, еда посытнее, одежда по красивее» [Там же, с. 197], былые простота и природность уступают место алчности, погоне за модой, хулиганству и разврату. В этом очерке набирает силу мотив притяжения исконной Сибири, «своей» старой сибирской глубинки. Преобразования в Сибири здесь уже связываются не со строительством новой счастливой жизни, что было характерно для ранней публицистики Вампилова, а с негативным влиянием городской культуры на жизнь родного поселка.

Притяжению традиционной Сибири сопутствует одновременное отторжение Вампиловым всего чуждого Сибири исконной. Поэтому появление в его творчестве на данном этапе «бездомных» героев, «чужих» для Сибири, равно как и негативное отношение к влиянию городской культуры на быт сибирской глубинки, вполне закономерно. Характерно, что образ «своей Сибири» в творчестве Вампилова не появился в одночасье. Он в зачатке присутствует в образах «бурундуков» («Колумбы пришли по снегу», «Белые города»). В рассказе «Моя любовь» (1960) данный образ реализуется в мотиве возвращения, в рассказе «Сугробы» – в иронии над пришедшей в село городской модой, в рассказе «Солнце в аистовом гнезде» – в образе природного человека (деревенского мальчика Витьки).

Сибирь оказывается «своей» для «бурундуков» Лени и Гоши и для тех, кто все время «куда-то собирался уезжать» [Там же, с. 172], но оставался. Сибирь оказывается «своей» и для самого писателя, высмеивавшего в очерках и рассказах нелепую моду в сибирской глубинке на все городское и столичное. Оказывается «своей» Сибирь и для В. П. Астафьева, писателя-сибиряка, осудившего «моду» на Сибирь: «Все, как сговорившись, писали и говорили о Сибири так, будто до них тут никого не было, никто не жил. А если жил, то никакого внимания не заслуживал» [1, с. 117]. В образе «своей Сибири» и Вампилов, и Астафьев, хоть и по-разному, отстаивают одну идею – идею самоценности сибирской глубинки. П. П. Гончаров так определил позицию писателей-сибиряков С. Залыгина, В. Астафьева, А. Вампилова, В. Распутина по отношению к оппозиции Сибирь – Россия: «Естественно, что в их творческом сознании Сибирь не является не только —«южной», но и дальней периферией России. Сибирь осмысливается ими как —«точка отсчета», как основа России, хотя и как совершенно особый (по своей истории, культуре, географии, ментальности) край» [6, с. 8].

В драматургии Вампилова образ чужих для Сибири персонажей продолжает развиваться, однако несколько изменяется. Чужими для сибирской глубинки становятся уже не приехавшие «отовсюду» [4, с. 141] герои, «бездомные» романтики, искатели приключений и «приличных денег» [Там же, с. 43], а городские жители, приехавшие в поселок. Мотив притяжения исконной Сибири, прошлой, «своей» (сибирской глубинки), и нарастающее у Вампилова негативное восприятие новой, преобразованной Сибири выразились в мыслях писателя о самоценности деревенского уклада. Поэтому в произведениях Вампилова появляется противопоставление городской культуры исконному деревенскому быту (в частности, сибирскому). В прозе данное противопоставление вылилось в авторскую иронию по поводу моды на все городское, столичное в провинции («Сугробы», «Прогулки по Кутулику»). В драматургии – в появление образов «спящих» городских героев, приехавших в поселок. «Спящие» герои, поглощенные машинальностью, живут по инерции, не замечая ничего вокруг,

ни кипящих страстей, чувств, переживаний окружающих людей, ни сказочной красоты первозданной природы. Так в пьесе «Дом окнами в поле» (1963) Астафьева, влюбленная в «спящего» Третьякова, характеризует его пребывание в поселке: «Что и говорить! Вы проспали, все три года спали – и проспали! И видели во сне огни ваши голубые и проспекты! Что – я не знаю?.. Вы ходите там по мокрым улицам, все молодые, все гордые, и никто не знает, о чем вы думаете... А здесь – поле и лес, здесь все понятно, и вы – спите. И сейчас вы спите...» [5, с. 34]. В пьесе «Прошлым летом в Чулимске» (1971) городской житель Шаманов приезжает в таежный поселок и также пребывает в полусне, не замечая кипящих вокруг него страстей. «Валентина. Вы один здесь такой: ничего не видите... (Неожиданно громко, с отчаянием.) Вы слепой! Слепой – ясно вам?» [Там же, с. 325]. Мотив сна несет в себе смысловую нагрузку отчужденности. Живя в поселке, контактируя с окружающими людьми и миром сибирской глубинки, и Третьяков, и Шаманов остаются чужими здесь, приехавшими на время, как бы пытаются в своем состоянии «сна» отстраниться от окружающего провинциального мира.

Характерно, что у Вампилова, кроме приехавших в сибирскую провинцию городских героев, есть и противоположный тип героев – приезжающих из сибирской провинции в большой город. В «Записных книжках» у Вампилова есть зарисовки данного типа героев: «Она приехала в город, задумчивая, любопытная, Умная, с жадными веселыми глазами. Идеалы пустые, таежные» [2, с. 52]. «18-летний парень, феноменально непосредственный и впечатлительный, из села приехал в город. На улице увидел девушку, влюбился, как будто был поражен молнией. Шел за ней, но потерял. Целый месяц ходил в этом месте, ни разу больше не видел. Тоска хуже болезни. Принес в редакцию искреннее, наивное письмо. "Как найти?" Газетчики. Спивающийся зубоскал. Трезвый деляга. Водопад цинизма парню на душу» [Там же, с. 93]. Эти зарисовки Вампилов позднее воплотит в образе Ирины в пьесе «Утиная охота», приехавшей из провинции в большой город поступать в институт. Она также приходит в редакцию газеты, чтобы найти человека, с которым ехала в поезде, чем вызывает насмешки Зилова и Саяпина. У Ирины возникают к Зилову чувства, он же всего лишь играет с ней. Ирина не поступает в институт, выслушивает незаслуженные оскорбления Зилова и, по всей видимости, уезжает из города, о чем свидетельствует сцена телефонного разговора Зилова с приемной комиссией института.

Образ провинциала, приезжающего в город, раскрывается в рассказе «Моя любовь». Герой этого рассказа, вкусив прелестей городской жизни, возвращается в родное село и вдруг осознает всю искусственность и бессмысленность городской жизни. Мотив возвращения блудного сына, появившийся в этом рассказе, характерен для «деревенской прозы» 1960-1970 гг. (В. И. Белов «Привычное дело», рассказы В. М. Шукшина). «В литературу 1960-1970-х гг. сюжет возвращения блудного сына вернулся в «деревенской прозе», где притчевая семантика оживала в позиции автора. В архаическом сюжете современные писатели акцентировали опасность выхода из традиционного мира...» [11, с. 67]. Мотив возвращения блудного сына является магистральным и в пьесе «Старший сын», хотя он и переработан. «Бездомный» герой пьесы Бусыгин находит дом и семью в провинциальном городке. Таким образом, и в рассказе «Моя любовь», и в пьесе «Старший сын» герои в конечном итоге возвращаются к корням, к истокам, к дому.

Герой рассказа «Моя любовь» возвращается из города обратно в родной поселок, «бездомный» Бусыгин, «блудный сын», случайно оказавшись в предместье, находит дом и семью. И в пьесе «Утиная охота» приехавшая в город провинциалка Ирина, по всей видимости, возвращается обратно «далеко» «на север» «в Михалевку». Таким образом, у Вампилова провинциалы оказываются такими же чужими для города, как и приезжие горожане и прочие «покорители» Сибири в большинстве своем для сибирской провинции.

Обращение Вампилова, писателя-сибиряка, к образу Сибири закономерно. С образом Сибири в произведениях Вампилова связана тема Родины. Взгляд на Сибирь «из Сибири» обусловил появление в художественном мире Вампилова особого типа героя, «чужого» для Сибири, «проходящего», временно пребывающего в сибирской глубинке – «перекати-поле». С этим типом у Вампилова связан мотив пути. Характерно, что писатель не относится к этим персонажам, искателям романтики и быстрого заработка, осуждающе, а скорее видит закономерность в том, что они, переезжая с места на место по Сибири, нигде не обосновываются. Второй тип героев, «чужих» Сибири, – это горожане, приезжающие в сибирскую глубинку. «Чуждость» этих персонажей выражена в сопутствующем им мотиве сна. Герои, приезжающие из сибирской глубинки в большой город в произведениях Вампилова, как правило, тоже не находят себе там места, оказываются «чужими» для города. Каждый человек должен быть на своем месте – такова основная идея рассказа «В сугробах». Эта идея лейтмотивом проходит через все произведения Вампилова, где выведены образы «чужих» героев.

Список литературы

1. Астафьев В. П. Всеми своим час. М.: Мол. гвардия, 1985. 254 с.
2. Вампилов А. В. Записные книжки. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1996. 112 с.
3. Вампилов А. В. Избранное. М.: Согласие, 1999. 776 с.
4. Вампилов А. В. Стечение обстоятельств: Рассказы и сцены, фельетоны, очерки и статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 448 с.
5. Вампилов А. В. Утиная охота: пьесы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 368 с.
6. Гончаров П. П. «Царь-рыба» В. П. Астафьева: жанровая и композиционная функция образа Сибири: дисс. ... к. филол. н. Мичуринск, 2007. 216 с.
7. Гушанская Е. М. Александр Вампилов: очерк творчества. Л.: Сов. писатель, 1990. 318 с.
8. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГУ им. М. А. Шолохова. Филолог. науки. 2011. № 4. С. 31-40.

9. Поляков О. Ю. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: Радуга-Пресс, 2013. 162 с.
10. Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины 20 века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 291-303.
11. Рыбальченко Т. Л. Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950-1990-х годов // Вестник ТГУ. Филология. 2012. № 1. С. 58-82.

“NATIVE” AND “STRANGE” SIBERIA IN THE AXIOLOGY OF A. V. VAMPILOV

Cherbaeva Ol'ga Vladimirovna
Michurinsk State Agrarian University
olgacherbaeva@rambler.ru

The article considers the two types of characters from the artistic world of A. Vampilov: characters for whom Siberia is “-strange”, that is, those coming to Siberia, temporarily staying in Siberia, and characters for whom Siberia is “-native” – native Siberians. Through author's characteristics the researcher reveals the writer's attitude to the image of Siberia, identifies the specifics of this view as a view on Siberia “-from within”. The writer reconstructs the image of Siberia as it is viewed by visitors as something unattractive, ordinary.

Key words and phrases: image of “-native” Siberia; image of “-strange” Siberia; type of a character-visitor; motive for acceptance; motive for rejection.

УДК 811.42

Филологические науки

В статье объясняется актуальность изучения лингвистических и прагмалингвистических составляющих миссии организации в качестве особого жанра делового дискурса. Основное внимание авторы акцентируют на дискурсивных характеристиках текста миссии организации, подробно обосновывая изучение данного языкового явления в качестве текста, направленного на взаимодействие; анализируют широкие возможности текста миссии компании для выражения как очевидных, так и скрытых интенций бизнес-коммуникантов.

Ключевые слова и фразы: деловой дискурс; прагмалингвистика; коммуниканты; миссия организации; жанр делового дискурса; прагматика.

Ширяева Татьяна Александровна, к. филол. н., доцент
Пятигорский государственный лингвистический университет
shiryaevat@listl.ru

Денисламова Диана Магомедовна
Чеченский государственный университет
englishcom@pglu.ru

МИССИЯ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)[©]

В современном коммуникативном пространстве деловой дискурс (ДД) обладает типичными дискурсивными характеристиками и имеет ярко выраженную специфику. Основной характеристикой деловой коммуникации является то, что она протекает в соответствии с принятыми в деловом сообществе нормами и правилами и регламентируется достаточно жесткими стандартами. Основной задачей деловой коммуникации является решение различных деловых вопросов, обмен профессиональными сведениями и фактами [8, с. 49], нацеленными на получение прибыли. Цель делового общения обычно определяют как «установление условий сотрудничества, достижение деловой договоренности между двумя и более заинтересованными сторонами или одностороннее определение позиции по какому-либо вопросу» [3, с. 56].

Тексты ДД как результат текстовой деятельности в сфере бизнеса отличаются большим разнообразием и представлены различными типами, функционирующими в современном ДД. Можно с уверенностью утверждать, что в рамках ДД выделяются 3 инвариантные сферы речевой деятельности в деловой коммуникации: профессиональный деловой дискурс – непосредственный процесс профессиональной деятельности делового сообщества, академический деловой дискурс – представляющий собой коммуникативную деятельность, направленную на сохранение и воспроизводство знаний, подготовку кадров, публичный деловой дискурс – деловая коммуникация, характеризующаяся распространением информации о деятельности определенной компании, привлечением сторонников, обменом опытом [13, с. 58].